

М. М. КАЗМИЧЕВ (1897—1960). СТИХИ

Публикация Т. М. Двинятиной

В личном фонде В. А. Мануйлова (ф. 713) хранятся четыре папки материалов, относящихся к Михаилу Матвеевичу Казмичеву (Казмичову; написание варьируется). На одной из них рукой Мануйлова написано: «Стихи Михаила Матвеевича Казмичова ценили Ахматова, Пяст, Волошин, Мандельштам, многие ленинградские и московские поэты». Тем не менее сегодня творчество М. М. Казмичева едва ли известно: опубликованы только его переводы¹ и несколько стихотворений;² несколько беглых упоминаний о нем находится в «Записках счастливого человека» В. А. Мануйлова.³

В фонде Мануйлова — больше 100 стихотворений Казмичева, стихи и переводы его сестры Татьяны (Таты) Казмичевой,⁴ ранние рисунки брата, известного художника, графика Юрия Казмичова,⁵ обширная семейная переписка, письма Казмичевых к В. А. Мануйлову, с которым они были дружны со школьных лет, и другие материалы. Творческое наследие этой разносторонней литературно-художественной семьи достойно более полного издания, чем позволяют рамки отдельной публикации, и поэзия

¹ Отдельными изданиями вышли переводы М. М. Казмичева пьес П. Кальдерона «Саламейский алькальд» (под ред. М. Л. Лозинского; Л.; М., 1939), «С любовью не шутят» (М.; Л., 1949), «Спрятанный кабальеро» (М., 1957) и А. Морето-и-Каванья «Живой портрет» (М., 1950). Кроме того, М. М. Казмичев переводил Гейне, Байрона и поэтов французского Возрождения: Ронсара, Клемана Маро, Реми Белло и др.

² Три стихотворения М. М. Казмичева: «Ломоносов», «Полтавский бой», «Мелькает и колблется...» и краткая вступ. заметка Е. Колат опубл. в: День поэзии. 1969. М., 1969. С. 279—280.

³ Мануйлов В. А. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н. Ф. Будановой. СПб., 1999. С. 172 и др. (см. указатель имен) (далее — Мануйлов).

⁴ Т. М. Казмичева — автор книги «В садах Саади: Стихи, басни, переводы» (1945) и нескольких книг переводов с таджикского для детей (все известные нам книги вышли в 1940-е гг. в Сталинабаде).

⁵ См.: Юрий Казмичов, 1907—1980: Графика. Каталог выставки / Сост. О. В. Григорьева; Вступ. статья В. И. Костин, В. Н. Минаев. М., 1983. Ему принадлежит, в частности, карандашный портрет Н. Я. Мандельштам (1974), он упоминается в этом каталоге (<с. 8>).

М. М. Казмичева представляет собой не только центр, в котором сходятся и отражаются интересы всех членов семьи, но и яркое явление в истории русской поэзии XX в.

М. М. Казмичев родился 21 ноября 1897 г. в станице Каменская Ростовской области. В анкете при приеме в Союз писателей Казмичев указал, что происходит «из провинциальной разночинной интеллигенции».⁶ Его отец, нотариус Матвей Матвеевич Казмичов,⁷ и дядя, юрист Павел Петрович Казмичов, помимо своей основной работы, занимались литературой. В 1914 г. в Новочеркасске была издана их совместная драма «На богатырском распутье», подписанная псевдонимами М. Скальдов и М. Борецкий. В 1919 г. там же, в Новочеркасске, вышел стихотворный сборник П. П. Казмичова «Ковыльный сказ». Детские годы М. М. Казмичева прошли в станице Каменская, затем в Новочеркасске. Позже, в 1910—1920-е гг., судя по письмам и пометам под стихами, семья жила то в Ростове-на-Дону, то Новочеркасске. Когда в 1927 г. Михаил и Татьяна Казмичевы переехали в Ленинград, в кругу В. Пяста их называли «ростовская молодежь».⁸

М. М. Казмичев начал писать стихи («в раннем детстве»),⁹ первые из сохранившихся стихов относятся к 1905 г. Во многих ранних стихотворениях (до 1924 г. — первого приезда в Ленинград) отражен идиллический мир Каменской и Новочеркасска, которому во время гражданской войны суждено было стать потерянным: Новочеркасск оказался в центре боевых действий 1919—1920 гг., через него проходило и наступление Деникина на Москву летом 1919 г. и последнее отступление в январе 1920 г.

Каменская! Каменская! Родина моей души!
Все твои извилины и закоулки хороши.
На пустынной улице в белом солнце стать,
С мертвыми товарищами о странствиях мечтать.
Я бы только плакал, если б туда попал, —
Камень и песок и пыль целовал!..¹⁰

Другие стихотворения того времени написаны в подражание символистам. Девять юношеских опытов Казмичева собраны в машинописный сборник «Стихотворения» 1919 г., напечатанный как издание журнала «Новый луч» («Библиотека кружка») с предисловием В. Луизова, поэта и однокашника М. Казмичева:

«Я еще с детства знаком с автором этих стихотворений М. М. Казмичевым, который для меня звучит просто как Миша Казмичев. Он был в третьем классе и писал стихи. И его лавры не давали покою мне, восьмилетнему мальчишке, заставляя меня изводить дешевую, правда, в то время бумагу, сочиняя глупейшие вещи в стихах и в прозе. Это было в станице Каменской, откуда М. Казмичев переехал в Новочеркасск. В 1912 г. я тоже поселился в Новочеркасске. М. Казмичев был уже в последних классах гимназии и продолжал писать стихи. Развитие

⁶ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454. Этот источник указан Т. А. Кукушкиной, сердечно благодарю ее за помощь в работе.

⁷ Ему принадлежит «Памятка нотариуса. Справочная книжка по нотариальному делу для нотариусов и заменяющих мировых судей», изданная в Новочеркасске в 1915 г.

⁸ Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926—1927. Париж; М., 1997. С. 317 (далее — Лукницкий).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454.

¹⁰ Стихотворения и другие материалы, относящиеся к М. М. Казмичеву, цит. по: РО ИРЛИ, ф. 713 (В. А. Мануйлов).

его таланта, вернее, его поэтической зрелости и зрелости моего художественного вкуса шло одновременно. И если теперь я с улыбкой вспоминал его стихи в период ст<аницы> Каменской, то у него были новые, которые меня удовлетворяли. Период <19>12—<19>15 гг. имеет, главным образом, значение школы для поэта. Он научился владеть формой. Уже в этом году в нашем разговоре, вспоминая то время, мы интересовались, главным образом, количеством „нарифмованных“ строчек (между прочим, относительно одной поэмы из средневековой жизни, не помню названия). Тогда же у него было некоторое тяготение к так наз<ываемым> декадентам. Это была своего рода дань эпохе: у него были как бы „свои“ стихи и „чужие“, „чужие“ — в декадентском духе (некоторые были напечатаны¹¹). „Кто из нас не писал чепухи, — говорил он мне недавно, — у меня самого есть такие вещи, что перечитываешь и краснеешь“.

Во всяком случае, в настоящее время М. Казмичева нельзя упрекнуть в декадентстве или другом каком-нибудь влиянии. Взяв все хорошее в смысле стиля, приемов и формы у новейших русских поэтов и оставшись верен заветам классиков, он стал самим собой. В его поэзии наиболее привлекательны два элемента: это ее содержательность (в настоящее время мы этой найдем далеко не у всех), ее, так сказ<ать>, идейность и, затем, красочность образов.

В настоящее время, когда его художественный талант находится в расцвете, ему приходится, пользуясь его выражением, сидеть в „Диогеновой бочке“.

— Понимаете ли вы такое состояние, когда пишешь и складываешь под спуд и иногда (никогда? — Т. Д.) никому, решительно никому не читаешь. Шесть лет я сознательно пишу стихи, — и все таким образом...

Вы сами знаете, в каком положении находится сейчас литература: отсутствие солидных „толстых“ журналов, дороговизна бумаги и печатания — все это заставляет ждать лучших времен... —

— „Пока повержен мир во тьму...“

Но в это тьме есть маленькая звездочка — маленький культурный центр — наш Кружок. Для него М. Казмичев вынет из-под спуда свои стихи, а Кружок издаст их, постарается распространить...».

Биографические пунктиры тех лет отражены в ответах Казмичева на вопросы приемной анкеты Союза писателей: «Кончил гимназию в 1916 г. В Университете¹² был на историко-филологическом и юридическ<ом> факультете. Последний год почти окончил — ушел в 1921 г., опять променяв право на литературу». И далее, продолжая отвечать об образовании: «Кроме русского, владею французским и украинским. Также знаю латинский и кое-что понимаю в греческом и немецком».¹³

В сентябре 1920 г. М. М. Казмичев составил программу для выступления молодых поэтов Новочеркасска, в которой дал обзор современных поэтических течений и наметил общие для участников вечера положения, — в них отразились и его личные поэтические установки:

«Группа поэтов полагает, что не в повторении старых образцов, а в поисках новых форм, в высказывании новых переживаний должна заключаться задача молодых поэтов, но, стремясь выразить себя, они сознательно ставят себя в преобладающую связь с великим течением русской лирики и, стремясь идти своим путем, не выбрасывают из богатого наследия старых лириков и их достижений в смысле музыкальности стиха, ни их чувства такта, ни синтаксиса, ни смысла, наконец.

Этот отрицательный признак объединяет их всех, но есть объединяющие их черты и положительного характера. Это прежде всего приятие достижений русского символизма девяностых—двухсотых годов и акмеизма, которые каждый из них развивает согласно собственным индивидуальным исканиям; интерес к разработке классического метра (особенно у В. Девяткина, а также у Луизова, Мануйлова и др.), а также искания в области свободного стиха (О. Луизова, Петровская, Казмичев и Брыкин).

¹¹ Видимо, речь идет о «публикации» стихов в рукописных журналах кружка.

¹² Имеется в виду, по всей вероятности, университет в Ростове-на-Дону.

¹³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454.

Есть черта, которая и внутренне сближает если не всех, то большинство этих поэтов; это сочетание общественных интересов и социального чувства с индивидуализмом и, в соответствии с этим, направление творческой мысли как в сторону воплощения массовых переживаний и исторических событий, так и в сторону отражения самых интимных и личных настроений <...>

Социалистический индивидуализм, стремление к непосредственности, искренности и осмысленности со стороны содержания, импрессионистические приемы при общем реалистическом мирозерцании, стремление к внутренней музыкальности, достигаемой определенным чередованием образов и настроений, и внешней, достигаемой звуковым составом стиха, разработка классических русских метров и искание ритмического свободного стиха, — > вот что объединяет большинство из молодых поэтов, собирающихся совместно выступить перед новочеркасской публикой 21 сентября 1920 г.

Сохранились выпускавшиеся Казмичевыми (младшим поколением при участии отца, Матв. Матв. Казмичева) рукописные журналы 1916—1928 гг.: однодневный Рождественский журнал «Огни елки» (25 декабря 1916 г.), «Декабрьские сборники» 1918 и 1928 гг. (вероятно, ежегодные). Журналы отражали не только литературные интересы семьи, но и деятельность организованных Казмичевыми литературно-художественных кружков. 1921-м годом датирован уцелевший номер «Журнала любителей искусства» («второй год издания»), выпущенный Кружком любителей искусства. Скорее всего, на смену этому Кружку пришел литературный кружок «Синяя лампа», который действовал по крайней мере до 1926 г. Его состав предположительно восстанавливается по вложенному в один из сборников «Синей лампы» списку авторов, выступающих на вечере или, возможно, помещающих свои произведения в рукописном сборнике кружка (сохранился один номер журнала «Синяя лампа» — Ростов-на-Дону, 1924 г.). Кроме Михаила, Татьяны и Юрия Казмичевых в нем значатся Владимир, Андрей и Ольга Луизовы,¹⁴ Елена Грузиненко,¹⁵ Лидия Кошарская,¹⁶ Алексей Вязигин. На соседней с этим списком странице рукой М. М. Казмичева записано стихотворение, авторство которого точно установить не удалось: его так же легко приписать Казмичеву, как и кому-либо другому из участников кружка, или же всем вместе:

Братскую Чашу стихов приветствует Лампа
И в золотое вино девять роняет лучей.

Часто в несходных вещах мудрец провидит единство.
В пламени чует он хмель и озаренье в вине!

Девять участников кружка ассоциируются с девятью лучами: индивидуальность каждого включается в поэтическое сообщество. Метрически стихотворение напоминает мандельштамовскую «Антологию античной глупости», а в историко-культурной проекции встает образ «Зеленой лам-

¹⁴ Подробнее о Луизовых см.: Мануйлов. С. 53 и др.

¹⁵ Елена Грузиненко — бакинская знакомая В. А. Мануйлова, была знакома и с А. А. Ахматовой (см. их совместное письмо П. Н. Лукницкому 2 июля 1927 г. в: Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 256). Обстоятельства ее жизни в 1920-е гг. почти неизвестны, но очевидно, что именно о ней идет речь в письме М. Казмичева В. А. Мануйлову от 8 окт. 1926 г.: «Позавчера из Петербурга вернулась Елена, и в воскресенье мы впервые устраиваем Лампу».

¹⁶ См. ее стихи в альманахе «Норд» (Баку, 1926).

пы» пушкинской поры у Никиты Всеволожского, дружеского собрания, в котором первенствуют творчество и игра (ср. названия кружков).

Стремление к тому образцу, который дал в поэзии Пушкин, сохранилось у М. М. Казмичева на всю жизнь. Приведем его письмо В. А. Мануйлову от 9 ноября 1926 г.:

«Меня постигло редкое и неожиданное удовольствие: я получил в руки, домой один том из сочинений князя Вяземского. Я думаю, что ни одного поэта не было так близкого к Пушкину, как он. В сущности, так называемые поэты пушкинской поры весьма полярны тому для нас основному, что вспоминается нам при имени Пушкина. Все они графики, все они авторы манерных виньеток. Пушкин очень точно формулировал поэтику своего поколения в заметке о Дельвиге: прелесть скорее отрицательная, чем положительная. Темперамент, страсть, не прорывающая, но изнутри расцветивающая поэтическую форму; мысль, не только украшающая, но и определяющая форму и даже ее иногда прорывающая. Последняя <искренность> и прямота высказывания, игра в чередовании ума, холодных наблюдений и сердца горестных замет. Конкретность, „фламандской кухни пестрый сор“ рядом с напряженнейшим лиризмом. Во всем этом Пушкин был довольно одинок среди многих приятных, милых или даже глубоких поэтов своего времени. Недаром он свою поэтическую генеалогию вел не только от Жуковского (или Батюшкова), но и от Давыдова: у него он взял, конечно, не гусарскую стилизацию, а нечто более существенное: остроту, конкретность, умение „круто вертеть стих“, как он сам говорил. И вот Вяземский здесь ему сродни. Вся бесшабашная, гусарская, бурная жизнерадостность, разгул (и разврат) и размах того времени, — 1812 год и московские балы, петербургские паркеты, и острое либеральничанье, образованность и варварство, так тонко переплетенные в 20-х годах прошлого века, — это очень ярко и прямо выразилось в стихах Вяземского, столь небрежных, столь фактурных и столь выразительных. В его поэзии есть и неприятное, но он действительно своеобразен и умен, и, конечно, о нем надо вспоминать рядом с Пушкиным, а не об убогом долдоне Языкове, машинообразно подплясывающем под глупо пьяные куплеты».

В первой половине 1920-х гг. М. М. Казмичев предпринимал активные попытки издания поэтических альманахов, журналов, сборников. Вместе с П. П. Казмичовым он входил в редколлегия так и не увидевшего свет стихотворного сборника «Жатва», который планировалось издать в Ростове-на-Дону. Впоследствии материалы этого сборника перешли в альманах «Норд», вышедший в Баку в 1926 г.¹⁷ Смысл названия сборника включал в себя и «северную» поэтическую традицию, у истоков которой стоял Пушкин (в противоположность «южной», см. ниже наброски статьи Мануйлова о Казмичеве), и Петербург как современный культурный и научный центр, куда стремились многие молодые люди из провинции.¹⁸ Кроме этого, здесь есть и экзистенциальное чувство, связанное с современностью. Так вспоминал о «Норде» В. А. Мануйлов: «Над Апшеронским полуостровом, в Каспийском море и над Баку часто свирепствовал неукротимый норд — сухой, несущий песок и пыль северо-восточный ветер. Люди работали и при норде, но дышалось трудно, хотя вместе с тем норд очищал городской воздух; впрочем, летом это был раскаленный ветер».¹⁹ В перепис-

¹⁷ Об этом см.: *Мануйлов*. С. 127—128, 170, 253—254.

¹⁸ Ср. в этом смысле жизненный путь не только М. Казмичева, но и В. А. Мануйлова, переехавшего в Ленинград осенью 1927 г., и В. В. Луизова, а также С. Н. Покшишевского, художника, инженера, литератора, чьи материалы также сохранились в фонде В. А. Мануйлова в РО ИРЛИ (о нем см.: *Движнина Т. М.* «Простые, жуткие слова»: О жизни и творчестве Сергея Николаевича Покшишевского (1903—1942) // Вторая проза: Сб. статей / Ред. И. Белобровцева, С. Доценко, Г. Левинтон, Т. Цивьян. Таллин, 2004. С. 351—383).

¹⁹ *Мануйлов*. С. 79.

ке Казмичева с Мануйловым горячо обсуждался состав участников «Норда», и, в частности, вопрос о гипотетическом участии в «Норде» Есенина и Ахматовой.²⁰

В 1924 г. Казмичев, видимо, впервые приехал в Ленинград. С этого времени петербургская тема становится одной из ведущих в его стихах. Петербург имеет для Казмичева несколько исторических обликов: это Петербург Ломоносова и Елизаветы (стих. «Михаил Ломоносов»); затем ампиный Петербург первой трети XIX в. — Петербург Александра Первого и Пушкина; и, наконец, графический черно-белый Петербург начала XX в. — Петербург «Мира искусств». В каждом из исторических срезов Петербург — это воплощение и средоточие классического искусства, в противоположность Москве (см. стих. «Москва»). Сквозной петербургской темой Казмичева оказывается Эрмитаж — Рафаэль, Караваджо, Рембрандт, Рубенс, Генсборо, Ван-Дейк, А. ван-Броувер и т. д. Старые мастера для Казмичева — это не только создатели художественных шедевров, но и в какой-то мере современники — свидетели и участники его судьбы. Впечатление от архитектуры, создавшей облик Петербурга, и живописи, собранной в залах Эрмитажа, поэт соединил в начальной строке стихотворения: «Кто в Петербурге был, тот видел чудеса!..». Петербургская лирика Казмичева продолжает традицию изображения Петербурга как города, воплотившего строгость и ясность замысла и построения. Как и Мандельштам, Казмичев посвящает стихи Адмиралтейству и Казанскому собору, в его «Гоголе» (через образ ездока, повозки, саней) можно увидеть влияние «Петербургских строф». Петербург в стихах Казмичева — парадные петербургские набережные, наводнения, арки, каналы, «колонны» и «фронтонны». Но прозрачное зеркало невских вод очень быстро оказывается черным зеркалом «хляби и беды» (стих. «Посещение Петербурга»). Знак беды над городом как знак окончания эпохи в стихах Казмичева ощущается так же, как в стихах Мандельштама 1916—1920-х гг. о конце Петербурга, от «В Петрополе прозрачном мы умрем...» до «В Петербурге мы сойдемся снова...».²¹ Очевидно, это ощущение катастрофы и наступающего безмол-

²⁰ В разгар подготовки альманаха, 29 окт. 1925 г. М. Казмичев писал В. А. Мануйлову: «„Жатва“ — несжатая полоса. <...> Есенин ничего не прислал. Хорошо бы он дал что-нибудь для „Норда“. Когда писал Рождественскому, большое было искушение попросить через него стихов у Ахматовой и Тихонова, но отринул самоуправство». Отношение Казмичева к поэзии Ахматовой было в высшей степени почтительным и этически окрашенным: когда Л. Борисов опубликовал в «Красной газете» (1925. 8 окт. Веч. вып.) пародию на Ахматову (подробнее: *Тыменчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2005. С. 611), сделанную, по словам Казмичева, «с чсто хамскою и хулиганскою бесцеремонностью», он убедительно просил Мануйлова не включать стихи Борисова в готовящийся «Норд»: «Принимая во внимание всю особенность положения Ахматовой, ты, вероятно, согласишься, что такая выходка была совершенно не уместна. Есть литературные деятели, к которым относишься с исключительной бережностью и уважением, — таковы В. Иванов, Ахматова — и в отношении которых нестерпимо никакое амикошество» (письмо <конца 1925>).

²¹ Реминисценции из Мандельштама будут и дальше значимыми в поэзии Казмичева, ср. его стих. «Я пью за понтийские волны, за непомерный базальт...» (1935), явно построенное по примеру мандельштамовского «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...». Отметим, кстати, ориентацию на Гумилева в «Оде к Абиссинии»: сумма примеров говорит о первостепенной значимости для Казмичева 1920-х гг. творчества акмеистов.

вия было в культурном сознании «привневской столицы» тех лет так явно, что эпиграфом к первому же (сохранившемуся) стихотворению о Петербурге, написанному вскоре после возвращения в родные края, Казмичев выбирает ахматовскую строку «Бессолнечные мрачные сады...» (стихотворение «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»), в которой определение «бессолнечные» соотносится с другим вариантом «солнца наоборот» — «черным солнцем» из мандельштамовского «В Петербурге мы сойдемся снова...», и оба образа — «бессолнечных садов» и «черного солнца» — говорят об уходе из жизни того начала, которое было солнцем русской поэзии и всей эпохи Петербурга — и закатилось. В наступающей тьме можно будет только *аукаться* именем Пушкина (В. Ходасевич), или откликаться на его голос, которым говорит разрушенный мир, или, как у Блока, призывать его *в непогоду* и просить о помощи в *немой борьбе*.²²

Приблизительно в это время Мануйлов сделал наброски к статье о поэзии М. М. Казмичева (см. ниже). Он выделил в русской литературе «северную» и «южную» ветви, а литературную эволюцию представил, в духе Тынянова, как взаимодействие магистральной и боковых линий. В этих координатах Казмичев оказывается связан с «южной», более конкретно — с «донской» линией, а его движение «от боковых линий <...> дорастает до значимости магистральной линии». Мануйлов назвал свое впечатление от поэзии Казмичева радостью, свое знакомство с ней — «счастьем современника», желание рассказать о ней — «счастливой обязанностью» и правом, которого он не хочет себя лишать.

В конце 1926 г. М. М. Казмичев был принят в Союз поэтов (вероятно, для этого снова приезжал в Ленинград). Об этом хлопотал, в частности, чрезвычайно высоко ценивший Казмичева Вс. А. Рождественский. Вот его письмо Казмичеву, написанное из Ленинграда в Новочеркасск 19 ноября 1926 г.:

Дорогой Михаил Матвеевич!

Несколько дней тому назад я писал Вам письмо. День выдался туманный, сырой, и на душе у меня было грустно. Кажется, и письмо вышло таким же осенним. Боюсь, не огорчило ли оно Вас? Помнится, там говорилось о Ваших стихах, об их «обреченности» и т. д.

Мне хочется узнать скорее, что Вы правильно поняли меня. Речь идет о жизни их во внешнем мире, а не о Вас как о поэте. Поэт Вы настоящий и тонкий, в этом для меня нет никаких сомнений. Стихи Ваши я *понимаю до конца и люблю*.

Но вспомните речь Блока «О назначении поэта». Дело поэта:

- а) извлечь из хаоса звуки,
- в) облечь их в гармонию,
- с) внести эту гармонию во внешний мир.

Мне кажется, Вы успешно преодолели два препятствия, чтобы остановиться перед третьим. Ваше колдовство прежде всего чарует Вас самих и людей Вам близких. Вы ничего не хотите преодолевать во внешнем мире.

Это, конечно, спасает Вам много сил, ничем не теснит воображения, но ограничивает возможность голоса.

Теперь о другом. Я читал Ваши стихи петербургским поэтам. У нас возникла мысль провести Вас в действительные члены Союза поэтов по Петербургскому отделению. Вопрос ре-

²² О значимости акмеистического и блоковского наследия для Казмичева говорит и упоминание о текущих делах «Синей лампы» в письме к В. А. Мануйлову от 9 нояб. 1926 г.: «С неделю назад мы читали стихи. Слушали „Гондлу“. Я прочел блоковскую речь» (имеется в виду «О назначении поэта»).

шится на днях. А смысл такой: у нас весной выходит очередной сборник, и мы будем Вас печатать, то, что никак невозможно в журнале (по самой природе Ваших стихов), вполне уместно в наших академических союзных анналах.

Переписал Вам «Лето». Это заставило меня полтора часа переживать солнечную свою юность. Сейчас за окном идет мокрый снег, а мне весело, и все кажется почему-то, что пахнет тополем.

Жму Вашу руку — крепко.

Вс. Р.

На переписанном специально для Казмичева сборнике стихов «Лето» Рождественский сделал дарственную надпись Казмичеву — «умному садовнику гиперборейских роз и милому другу».²³

В 1927 г. Михаил и Татьяна Казмичевы обосновались в Ленинграде. Вслед за ними в конце августа 1927 г. в Ленинград приехал В. А. Мануйлов. Первое время он жил у Казмичевых, на Фонтанке, 26,²⁴ и оттуда приходил в Фонтанный дом (Фонтанка, 34) к А. А. Ахматовой.²⁵ Возможно, от него Ахматова узнала о Казмичевых и слышала стихи М. М. Казмичева. По воспоминаниям Мануйлова, и Ахматова и Казмичевы были на его свадьбе 19 февраля 1928 г., и через неделю, 26 февраля, были в гостях у него и его жены, Л. И. Сперанской.

Если знакомство с Ахматовой было, скорее всего, весьма поверхностным, то общение с В. Пястом — более тесным и значительным. Кроме упоминания Мануйловым Пяста в числе ценителей стихов М. Казмичева мы располагаем свидетельством П. Н. Лукницкого о том, что у Казмичевых «Пяст бывает ежедневно».²⁶

В 1929 г. М. Казмичев готовил к печати сборник стихотворений,²⁷ но издание не состоялось. Кроме сборника «Стихотворения» 1919 г. с предисловием В. Луизова в фонде Мануйлова сохранились только подаренный Мануйлову самодельный экземпляр юношеской поэмы «Ветер» с эпиграфом из поэмы Блока «Двенадцать» («Ветер, ветер на всем белом свете») и сборник (сложенные в книжечку листы) стихотворений с дарственной надписью Мануйлову: «В. Мануйлову пушкинисту пушкинист Мих. Казмичев. 3/1-1923». Кроме того, известно и о его рукописном сборнике «Стихи: 1924—1926», подаренном М. А. Фроману (собрание А. Л. Дмитренко, СПб).

²³ Музей А. Ахматовой, ф. 5, оп. 1, д. 44. См. также в письме Рождественского Казмичеву от 27 февр. 1927 г.: «...мы люди единой культуры, позволяющей нам часто понимать друг друга с полуслова» (Там же, д. 45, л. 1). Отношение Казмичева к творчеству Рождественского было не столь однозначным: он ценил «беззаботность и радость при высоком мастерстве», присущую раннему Рождественскому, но уже сборник «Большая Медведица» (1926) произвел на него более тягостное впечатление: «монотонно-надсоновское раскачивание длинных строк, уездная чувствительность, многословие, шаблонность образов» (письмо Казмичева Мануйлову <февр. 1927>; в письме упоминается «пушкинский вечер»); об этом, немного мягче, Казмичев писал и самому Рождественскому (письмо <начала 1927>).

²⁴ Первый адрес Казмичевых в Ленинграде; позже — Моховая, 41, кв. 6 (указан Казмичевым в анкете при приеме в Союз писателей в 1929 г.).

²⁵ См., напр., в письме Н. Н. Пуннина П. Н. Лукницкому 1 сент. 1927 г.: «Мануйлов сидит на диване и с жаром разговаривает о „Графе Нулине« и „Онегине« <...>» (Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 304).

²⁶ Лукницкий. С. 318.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454.

В круг общения Казмичева в Ленинграде входили и молодые поэты его поколения. Он упоминается в дневнике Лукницкого;²⁸ в первой половине 1930-х гг., судя по записям И. М. Басалаева, продолжалась его дружба с Рождественским и Мануйловым:

«У Всеволода Рождественского — опять на Рузовской — сидят осторожный мечтательный поэт Казмичев, обрезавший свои длинные волосы романтичного поэта; розовощекий непоседа Мануйлов — пушкинист и лермонтовед, они дружат со Всеволодом еще со школьной скамьи; потом приходит старый приятель Всеволода — математик <Б. И.> Извеков. Живая, с веселыми глазами Надежда Александровна <Бринкман> командует винегретом и чаем.

Всеволод Александрович читает очередные стихи, замечая, что урожаем этого лета небогат — всего три стихотворения.

Затем читает Виктор Андроникович Мануйлов. Он, оказывается, тоже пишет стихи. Это юношеские вздыхания, посвященные „любимой“, разбавленные розовой водой книжных мудростей и сентенций, старых и добрых, как немецкая бабушка прошлого века.

За ним читает Казмичев. Голос без выделений, без нажима, одна блестящая ровная струя; ровная, однообразная, узкая. В ней отражаются облака, птицы, небо. С ними ровно ничего не случается. Они без запаха, без цвета, без объема. Это кусок чего-то тающего во рту, такой невесомый, что остается впечатление — как будто ничего и не было. И оттого стихи похожи на выцветший рисунок... Но все же эта тающая без следа легкость и упорное желание дать птицам жизнь оправдывают исхоженную и зацепанную лирическую банальность, на которой автор строит свои стихи.

Стихов Казмичева не издают. Последний, кто просматривал его стихи, был Константин Федин. Он тоже, как и другие, подтвердил их высокое качество и невозможность издания».²⁹

Важнейшим событием жизни стало для М. М. Казмичева знакомство с М. А. Волошиным. Летом 1930 г. он гостил у Волошина в Коктебеле³⁰ и писал тогда Мануйлову: «Макс и М<ария> С<тепановна> ко мне очень приветливы. Также и стихи мои здесь очень хорошо приняты».³¹ О том же — в письме Вс. Рождественского Мануйлову от 27 августа 1930 г.: «Виделся проездом с Казмичевым в Коктебеле. С Максом они подружились».³² Уезжая из Коктебеля, уже с дороги, М. Казмичев прислал открытку:

²⁸ Лукницкий. С. 217.

²⁹ Басалаев И. Записки для себя / Предисл. А. И. Павловского; Публ. Е. М. Царенковой; Коммент. А. Л. Дмитренко // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1996. 19. С. 426—427. Приведенная запись из тетради четвертой, датируемой 1932—1938 гг.

³⁰ С Казмичевым Н. Я. Данько передала Волошину статуэтку Ахматовой, об этом см. в письмах Т. С. Салтыковой М. А. Волошину от 10 и 12 июня 1930 г. (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1075, л. 5, 9), см. также: Хрулева Р. Статуэтка Ахматовой // Победа. 1981. 6 февр. № 26. Приношу искреннюю признательность Р. П. Хрулевой за сведения о коктебельской жизни Казмичева. О Коктебеле 1930 г. см. воспоминания С. И. Липкина в: Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сб. / Сост. и коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. М., 1990. С. 590—594. М. Казмичев, однако, здесь не упоминается (по ошибке упоминается неприехавший В. А. Мануйлов, которого Казмичев звал в Коктебель). Кроме него летом 1930 г. у Волошина, как вспоминает С. И. Липкин, гостили М. Тарловский, В. А. Десницкий, Г. Шенгели и Н. Л. Манухина, М. С. Альтман, Б. А. Лавренин, В. Звягинцева, приезжали А. Белый, А. Толстой, В. Я. Шишков.

³¹ Письмо от 17 июля 1930 г. Возможно, однако, что стихи Казмичева были известны Волошину и раньше, опять-таки от Мануйлова. Описывая свое пребывание в Коктебеле в 1927 г., Мануйлов упоминает о реакции Волошина на стихи Казмичева: «Сочувственно отзывался Максимилиан Александрович о стихах М. М. Казмичева, к сожалению, несправедливо забывтого поэта, известного более как переводчик с испанского» (Мануйлов. С. 172).

³² Цит. по: Мануйлов. С. 280.

Дорогие Мария Степановна и Максимилиан Александрович!

Пишу Вам с пути прежде всего для того, чтобы поблагодарить еще раз за все, что Вы мне дали — привет, дружбу, радость, два месяца блаженной и беспечной жизни.

Мне хотелось бы приветствовать от всего сердца и всех, кого я видел сегодня у калитки, садясь, наконец, после бессовестного опоздания на линейку.

Позвольте Вас обнять и просить меня помнить.

Мих. Казмичев³³

С того времени крымская топка «морских окраин» (простор, волны, камни, маслины, травы, звезды, тополя, полынь и т. д.) стала одной из главных составляющих творчества Казмичева. Волошину и памяти Волошина Казмичев посвятил несколько стихотворений.³⁴ В поэтическом сознании Казмичева Волошин занял место сродни Державину для Пушкина (ср.: «И ты меня улыбкой встретил» у Казмичева и поэтическую версию державинского благословения в восьмой главе «Евгения Онегина»). Волошин и Коктебель были для Казмичева не только воплощением поэзии, одухотворенного, радостного и творческого бытия, но и залогом стойкости «на последнем поединке» (стих. «В пустынном Коктебеле благодать...»).

После 1945 г. М. М. Казмичев жил в Москве; занимался главным образом переводами, в фонде В. А. Мануйлова стихов 1950-х гг. немного. Он умер 24 сентября 1960 г. Свой прах завещал похоронить на утесе Карадаг рядом с Коктебелем.

В. А. Мануйлов. <О М. М. Казмичеве>

1

У всякого зоркого современника, живущего в годы появления большого художника, есть неповторимое счастье — свежего, первоначального, чистого восприятия новых вершин искусства. Подобное счастье испытывала нога открывателя земель, и тем больше удивленный восторг этих людей, чем неожиданнее и прекраснее открывшийся перед ними мир. Передо мной стихи моего современника, стихи Михаила Казмичева. Даже не книга. Это пачка рукописных листков, которые еще станут книгой — потому что рано или поздно им это суждено. Я перечитываю стихи Казмичева и думаю о неповторимом счастье современника.

Будет книга и об этой книге, будет много других книг — плохих и хороших [больше плохих].³⁵ И чем дальше, тем больше книг о Казмичеве будут заслонять его самого. Я не хочу лишать себя права современника. Широко открытыми и *своими* глазами я смотрю на новую радость — стихи Казми-

³³ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 606.

³⁴ Одно из них («И мне явился лик твой львиный...», 27 июня 1930 г.) опубликовано В. П. Купченко (*Волошин М. Жизнь — бесконечное познание: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения.* М., 1995. С. 489—490; *Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников.* Феодосия; Москва, 1997. С. 92—93).

³⁵ Текст в квадратных скобках зачеркнут.

чева — и эта радость так полна, что я должен рассказать о ней тем, кто будет после нас, у кого на столе будет изданный Казмичев и книги о нем, но кто будет отделен от нас временем и чужими мнениями.

Да, будут объяснять и изучать творчество поэта! Эти наукообразные попытки законны. Но разве не законна попытка современника рассказать о своей радости.

И вот я хочу рассказать, что есть для меня Казмичев, каким я его вижу; как знать, может быть, это не только мое право, но и счастливая обязанность.

2

Русская классическая литература XVIII и XIX веков в силу целого ряда исторических причин по преимуществу возглавлялась северянами, и не случайно. Северное сияние Ломоносова и пасмурная мечтательность Жуковского были близки и дороги полярному арапу Пушкину. И если Пушкин, Лермонтов, Толстой постоянно тянулись к югу, то юг они любили как северяне и словами его и на своем северном суровом языке.

Но чем ближе к XX веку, тем чаще в русской литературе звучит говор южан. Южный пейзаж Гоголя забываем, но не он типичен для николаевского периода нашей литературы; чеховская степь — это уже новые земли, это новая почва русской литературы. На этой почве вырос Короленко и окреп нижегородец Горький. А в современной литературе южане уже едва ли не преобладают: Асеев, Бабель, Багрицкий, Маяковский, Сельвинский, Се-рафимович, Шенгели, Шолохов.

Югу принадлежит и Казмичев;³⁶ юг его родная почва. Казмичев это знает и крепко помнит.

[158—159]³⁷

Смычки Чайковского и сказки Щедрина здесь не случайны; но они больше принадлежат отцам, предыдущему поколению. Территориально Казмичев опирается на иные традиции. В частности, он отлично знает и чтит донецкую струю русской литературы,³⁸ Тренев, ..., ³⁹ Крюков, наконец, отец поэта, беллетрист и драматург Матвей Матвеевич Казмичев — вот имена, которые не сможет обойти будущий исследователь предшественников поэта. Ими были найдены все главные элементы казмичевского пейзажа;⁴⁰ уже они, эти незамеченные степные художники, ведали

В станции Каменской родное бормотанье —
Акаций, воздуха и мела воркованье...

Только выражалось это все примитивнее и грубее. Уже Крюков и Тренев, только в прозе, рассказывают о том, как

³⁶ Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

³⁷ Видимо, таким образом обозначены номера стихотворений из рукописного сборника Казмичева, которые Мануйлов планировал привести в примеры.

³⁸ Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

³⁹ Здесь и далее пропуски в тексте.

⁴⁰ Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

В прохладных, чистых комнатах
Густеют каймаки.⁴¹
Линялыми лампасами
Кичатся старики.

Казмичев перерос своих предшественников, но он хорошо помнит их. Даже в языке Казмичев ревниво отстаивает свои провинциализмы.

<...>

3

Младшие ветви русской литературы, ее боковые линии — вообще ближе Казмичеву. Не Пушкин, но Фет и отчасти Тютчев; а в XX веке не столько символисты, сколько скромный Бунин определили круг влияний в поэзии Казмичева. Может быть, это объясняется тематикой. Главная тема Казмичева — лирика природы. Старшая ветвь литературы всегда питалась культурой эпохи и, как правило, была нагружена проблемно-идеологическими ценностями. Боковые ветви литературы, уклоняясь от вопросов эпохи, стелились по земле; лирика природы и непосредственно-реалистическое, беспроblemное восприятие мира характерны для большей части художников этого типа.

Казмичев по школе и творческим методам идет от боковых линий, но в процессе своего творческого развития он дорастает до значимости магистральной линии. Это вполне понятно: молодая ветвь плодотворнее — в ней больше жизненных, еще неистощенных соков.⁴²

М. М. КАЗМИЧЕВ. СТИХИ (1916—1959)

Стихи публикуются по машинописям и беловым автографам. Ряд текстов существует в нескольких списках, имеющих между собой, как правило, незначительные разночтения. В тех случаях, когда выбор окончательной редакции затруднителен, варианты приведены в построчных примечаниях. Там же приведены авторские пометы, в том числе те, в которых М. М. Казмичев ретроспективно оценивает свои ранние стихи. Датировки стихотворений в угловых скобках принадлежат публикатору.

* * *

Свечи. Не видно луну.
Звуки сверчков непрерывны.
Любишь ли ты тишину?
Тени вокруг переливны.

Любишь ли ты тишину?
Речи без слов ароматней.
В сумраке я утону,
В сумраке тайна понятней.

⁴¹ Диалектное обозначение сливок, снятых с топленого молока.

⁴² Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

Молча в твой взор я взгляну,
Стала ты ближе и проще...
Любишь ты сонные рощи?
Любишь ли ты тишину?

1916¹

* * *

Освещенные окна у булочной.
Видно хлебов румяных ряды.
Не умолк еще города гул ночной,
Но бесчувственно тихи сады.

Вот кухарка стоит незнакомая.
Утомленно извозчик гремит.
Через десять минут буду дома я.
Самовар еще теплый стоит.

21 июня 1917

* * *

Все надо петь: и милосердье Бога
И поражений сеть.
И всех жалеть: лишь тот, кто понял много,
Готов гореть.

И смех, и грех. И говоры народов,
И под луною путь.
Стоять в жару у деревянных сходов,
Бог весть о чем вздохнуть.

Только смешав в один напиток жизни
Все, все несовместимые дары, —
И власть земли и зов к иной отчизне, —
Поймешь ты смысл божественной игры.

И все поняв, поникнешь, славословя,
К давно уж не святому алтарю.
Только тогда возьмешь, не сдвинув брови,
И новый мир и смертную зарю.

25 июля 1917²

* * *

Тени разрушения скачут по полям.
Лица их кошмарные снятся по ночам.

¹ На об.: «Новочеркасск. Лето 1916».

² На об.: «Новочеркасск».

Ветер гривы черные коням шевелит.
Масти их янтарные солнце золотит.

Тени разрушения вьются на полях.
С ветром все сливается в непрерывный страх.
Ветер, провевающий по лихим полям,
Подлетает бешено к мертвым городам.

Этой песнью стонущей полнятся поля,
Смехом улетающим зажжена земля.
Огненные призраки с ветром, на полях,
Пляшут танец рушенья на гнедых конях.

Все танцует бешено!.. Так пляши ж и ты,
Увидав невидимых всадников черты,
Угадав таинственный звук из вышины...
Песни обреченных сладостно-стройны!..

сентябрь 1917

* * *

Я буду молиться один,
В тиши молчаливых равнин,
Под белым разрывом в молящихся тучах,
Среди дуновений летучих,
Средь ночи, средь степи я буду молиться один.

Есть в мире лишь ты и поющее сердце.
Мы двое — вверху и внизу.
Горят ли за тучами белые звезды? —
Я стал на колени, и ветер целует слезу.

Мы двое лишь в мире, о Боже, —
В прозрачном покое равнин,
Где темное сердце лишь ветер тревожит, —
Твой голос, твой ласковый сын...

Открытое сердце ты знаешь, ты знаешь!
Ты путник его глубин.
Горька и блаженна дорога земная,
Где отдых ты сладкий и беглый даешь...
Ты мутные тучи звездой пронзаешь
И тенью степною плывешь...

<16 августа 1917—1922>³

³ На об.: «Вагон (теплушка). Ростов—Новочеркасск. Это одно из любимых мною стихотворений, может быть, наиболее значительных»; «1917—1922 (закончено в 1922)».

Из цикла «КОЛОКОЛЬНЯ»

<1>

Это не проклятие, это не призыв!
Я качаю колокол, вечер ощутив.

Это скорбный благовест, одинокий зов
В глубину темнеющих, сумрачных часов.

Ветреные улицы измышляют ложь,
И с безумья пьяного маски не сорвешь,

И слепые плотники, — хрипая орда, —
Разрушают темные земные города.

Тьма еще не свеяна с напряженных глаз,
В жилах разливается злобы пьяный газ, —

И колотят с хохотом в безумные года,
И звоню я в колокол скорби и стыда.

Это не проклятия, это не любовь,
Это только жалобы видевшего кровь.

январь 1918

<2>

Знаю, звоню я бесцельно и трепетно.
Люди ушли...
Знаю, мой звон замирает в пустынности
Только для туч и земли.

Только для туч, безнадежно-молящихся
В сером пространстве своем,
Только земле, напоенной проклятьями...
Воздух и смерть кругом.
Бей же, мой колокол!..

февраль 1918⁴

* * *

Час сине-алый, час заката!
Темнеет воздух дорогой,
Бросает ласковое злато
Великий кто-то и благой.

⁴ На об.: «Стихотворение, которое мне до сих пор очень нравится. Последнее в цикле „Колокольня“. Февраль 1918 г. Новочеркасск. Sapienti sat».

Люблю я домиков ворота
И сумерек домашний шум,
Когда вся жизнь, как дня забота,
Горит без страсти и без дум,

И призрак розовый проходит
У окон темных и немых,
В деревьях старых что-то бродит,
С ветвей стекает вековых,

И церковь белая на кручах
Алеет в розовом огне,
Когда закат горит на тучах,
Когда закат горит во мне!..

7 февраля 1918⁵

* * *

Бродил неясный шорох в листьях
И растекался по листве.
И все теплей и золотистой
Грустил о жизни-божестве.

И кто-то был в молчанье ночи,
Великий, темный и живой.
И в тучах были звезды-очи,
Внизу пропетые листвою.

И ночь струилась тихим шумом,
И затихала и текла.
Она внимала нежным думам,
Каких еще не изрекла.

*весна 1918
Новочеркасск⁶*

* * *

Неизреченный шум листвы.
Неуловимые дыханья.
Зеленолиственной молвы
Невыразимые признанья.

Вот зашумело в тополях
Протяжным шумом, странным, странным,

⁵ На об.: «7 февраля 1918. Новочеркасск. Стихотворение во многом для меня характерное (особенно для тех лет)».

⁶ На об.: «Кажется, май или апрель. Квартальное дежурство с заряженной винтовкой в руках».

Ответ родился в тех ветвях,
Течет к листьям благоуханным.

И стихло. И потом опять
Зашевелится шум широкий.
Он растекается дышать,
Как море, сильный и глубокий.

И кто-то без конца листвою
Шумит таинственно и стройно,
И слушает он шорох свой
И радостно и беспокойно.

1918⁷

* * *

Черная роза в петлице,
Светлая радость в лице.
Вышел я с прошлым проститься,
Встал без пальто на крыльце.

В белой одежде священник
Будет мне дымом кадить,
Дым, как тоскующий пленник,
Вытянет синюю нить.

В белой и дымной одежде —
Не подыму туда глаз! —
Будешь ты рядом, кто прежде
В тихий мне грезился час.

Гнутся сухие деревья,
Видно кругом далеко,
Ветром, стою, охмелев, я.
Холодно мне и легко.

1918

* * *

Это строки про густое
Рыжее сукно,
Про солдатские постои,
Песни и вино,

Про удар, тупой и грубый,
Правду небылиц,
Плотно сдвинутые губы
Наклоненных лиц.

⁷ На об.: «Новочеркасск. То же, что предыдущее стихотворение».

После тифа, тощий, слабый,
С голой головой,
Вдруг упал я на ухабы
Бури снеговой.

Слушая разрывов громы,
В ящиках, в углу,
Пыльные я трогал томы,
Светлых лет золу.

Зорко в гущу человечью
Я смотрел в упор.
Приходил угрюмый вечер
На крикливый двор.

Потолок спускался ниже,
Задышался дом,
За стеной обозчик рыжий
Громычал ружьем.

Мать к столу садилась штопать,
Отблеск спиц, колец,
Мне светил, роняя копоть,
Тусклый каганец.

1920/1922

* * *

Чуть лоснится купол круглый,
Острроверхий. Под стеной
Продают торговки воблу
И угрюмый хлеб ржаной.

И у края тайны Божьей,
У страданья на духу,
Просыпает из рогожи
Нищета свою труху.

И сентябрь в холщовом платье,
Опускаясь на базар,
Синевой последней платит
И целует образа!..

осень 1921

* * *

Мы скоро сойдем с ума!
Россия — тряпица грязная.
В снегу побирается тьма,
Оборванная, безобразная.

Связана из рогож
Наша пустая история, —
Несколько красных рож
Глядит сквозь черное горе.

осень 1921

* * *

Краснеет отверстие улицы.
Заря? зарево? ад?
Что, жизнь, ты увидишь, курица,
С насеста бросаая взгляд?

Что, жизнь, ты увидишь, глупая,
Не знающая глубины,
С кудахтаньем отколупывая
Известку с толстой стены!

Опущены веки жующего,
И смотрит бельмом мудрец, —
Но жизненнее живущего
Оргийная глубь сердец!..

<1921—1924>⁸

* * *

Слабым огоньком
Моя жизнь горит, и тени кружатся.
Смерть придет зимою, вечерком,
Побеседовать об ужасе.

Что останется? — Мои стихи,
Неразборчиво написанные —
Не проснувшиеся петухи
Среди мути ненавистной.

Кроме детства, кроме белых лет,
Кроме затаенного волнения,
Что еще осталось от побед
Моего не вспыхнувшего гения?

Все не в самом деле, все в бреду.
Темный гул попутчиков не слушая,
С темными глазами я иду
Среди ужаса и равнодушия.

В мутных днях растратится душа,
Серебристой линией скользящая...

⁸ На об.: «Ростов. Старопочтовая улица. Года не помню. 21? 22? 23? 24?».

Кто хлебнет из моего ковша,
Где не отразилось настоящее?

Кто разбудит белых петухов,
В первом утре прокричавших?
Кто прочтет по кончикам стихов
Годы, счастьем дышавшие?

сентябрь 1922

* * *

Оклик ночи и бумага.
Вот и все, что надо для стихов.
Темнота прикосновеньем мага
Пробуждает пропасти грехов.

Мы кошунствовали и грешили
Двадцать пять тяжелых страшных лет.
На свои сердца мы саван сшили
И к истокам затоптали след.

Вот и все. И большего не надо.
Тот сумеет выдумать стихи,
У кого в груди дыхание ада
И безумный шорох чепухи!..

осень 1922

* * *

Только ночью тайна, а днем безразличие,
Только ночью тайна, хоть и темная, как сон.
Принимает огромное, непомерное обличье
Этот маленький дневной хамелеон.

16 декабря 1922⁹

КАРАНДАШ

Вот на клеенке стола карандаш.
Слушай! помоги мне выбить родник!
В сердце идет кто-то близкий, наш, —
К темной воде приник.

Тайное, смутное поставь на порог.
Звуком дневным дай ночное облечь,
В гущу простую, в мреющий лог
Серою птицею выпусти речь.

18 декабря 1922

⁹ На об. помета: «1922. Осень. Стихотворение мне очень нравится».

* * *

Тесто в круглой большой макитре
У обеденного стола.
День ушел в серебряной митре,
И сейчас полусон и мгла.

Сердце, тихо праздную победу
Над заботой дневной, над злом,
Сердце, мирно веди беседу
С тем, что ласково веет крылом.

День ушел утомленным, сытым.
На насесте все петухи.
И на листике глянцевином
Неожиданные стихи.

20 декабря 1922

* * *

День лета! Кто меня любит?
Как ты меня любит кто?
На тихом тенистом балконе¹⁰
Сниму и повешу пальто.

У лестницы деревянной
Поломанная ступня,
Стоят благодушно деревья,
Они не чужие — родня!¹¹

А борщ разольют по тарелкам
С голубенькою каймой...
Зачем я так редко, так поздно
В листву возвращаюсь — домой?¹²

1922

* * *

И радости надо учиться,
Как учатся в жизни всему,
Как учатся в опыте плотном
Притворству, вражде и уму!

Какие корявые краски
На столбиках старых перил!

¹⁰ *Вариант:* На мудро-тенистом балконе

¹¹ *Вариант:* Обрадованная родня, —

¹² *Вариант:* Чужим прихожу домой?

Они задевают за сердце,
За мускулы спрятанных сил.

Их дрему тревожу впервые,
Но в них я знакомых узнал,
Которых не видел лет двадцать,
С которыми в шашки играл.

Ах, нам, задымившимся долго
В пустом кантианском дыму,
И радости надо учиться,
Как учатся в жизни всему.

1922

* * *

Я люблю цимлянское вино,
Сумрачные яблони и месяц,
Поздно ночью я люблю сидеть
За веселым ужином в станице.

Серебрится тихая река,
Как туман к воде уходят рощи,
А хозяйка силой мне кладет
В помидорах жареную рыбу.

Тихий месяц, на столе колдуй,
Серебрись на черном винограде,
И тарелки полные мешай
В темную серебряную сказку.

Будет сердце биться от вина,
Но усну я весело и крепко
В незнакомом доме, на полу,
В многозвездной колыбели лета.

1922

* * *

На улицах поют автомобили,
А в комнате спокойно и темно.
Ах, я другой! А первого убили.
И умер он давно.

И эта ночь, как все другие ночи,
Не слышит стука сердца моего,
И с каждым годом сердце все жесточе,
Все более глубоко и мертво.

И если ты придешь в мой отдых синий,
Придуманная первым, мертвым мной,

Ты отвернешься от жестоких линий,
Написанных не тихой тишиной.

Вот эти годы, — бледные, как дети,
Испуганные тьмой... Они пройдут,
И, может быть, тебя не вспомнит третий,
Тот, кто пойдет к последнему суду!..

1922

* * *

А ночью сходит ангел старый,
Обои зацепив крылом,
На наши страсти и угары,
На жизнь, торчащую углом.

И сыплет елочные блески
На самую глухую мать,
И на черте, кривой и жесткой,
Дает легко передохнуть.

Как покаянье, как прощенье,
Склоняется его лицо,
И ласковые сновиденья
Смыкают легкое кольцо.

И он поет, сквозь сон, сквозь горе,
На сердце бросив тень крыла,
И завораживает море
Еще бушующего зла.

1922

* * *

Мягко одеянье Четверга.
Темный воздух миром дом обводит,
И Христос в огромный сад выходит
После нежной трапезы врача.

Спят дома в таинственной тени,
Сладок воздух, тайной напоенный.
В глубине беззвездной и бездонной
Радостно качаются огни.

Легкие роняя фонари,
Ночь стоит, темна и бездыханна,
И слова святого Иоанна
Холодеют и поют внутри.

март 1923

* * *

Как темная стена любовь.
Ты сердце к горечи готовь.

Но пенистым полна вином
Тревога, тающая сном.

И дружба есть, хмельней любви,
С цветочным запахом в крови,

Как листья темные садов,
Как пенье розовых дроздов.

<1923>

* * *

За твердой поступью твоей
Туманный лес воспоминанья,
И память, серый соловей,
Поет, и реют очертанья.

О, соловьиная пора!
Растут невидимые чащи,
И сердце бьется до утра
Все беспокойнее и чаще.

О, прошлого воздушный плеск!
Там птицы пели голосистей,
Там зорь доверчивые кисти
Светлей бросали в окна блеск.

И только в грозах голоса
Нас окликают простодушно,
И только в страсти вечер душный
И соловьиные леса!

май 1924¹³

* * *

Мой дом охвачен полусном
И лунным светом.
Но в тяготе июля гром
Ко мне врывается с приветом,
Сквозь ливень, падающий летом
Таким тяжелым серебром.

¹³ На об.: «1924. Май. „Твоей“, собственно, с большой буквы. Это продолжение стихотворения „Ты разбил меня наполовину...“».

О, молний синие глаза!
Огромный голос в рваных тучах,
В руках у тополей пахучих
Такая дымная гроза!

Как окрыляешься легко
В орбите беглой и напрасной,
Как сердце полное согласно
Со всем, что было далеко!

Его в огромный разговор
Зовут холодные витии...
О, влажные глаза стихии
И примирительный раздор!

май 1924

* * *

Повисает крепким яблоком
И летит.
И малиновому облаку
Молниями говорит.

И Ньютон, с глазами опаленными,
Разметав парик,
Слушает под листьями зелеными
Алгебры гремящий крик.

Озирая мирозданье заново,
Обегая вихри тел,
Не поднял он яблока румяного
И не съел!..

Я не буду с ним и с Ломоносовым
Слушать гром!
Убегаете с откоса вы
Под сияющим дождем.

Залетают в листья капли пьяные
И мешают воробьям.
Разрезайте яблоко румяное
Пополам!

*август или июль 1924*¹⁴

¹⁴ На об.: «1924 — августа или июля. Это одно из самых любимых моих стихотворений. Первые его строфы вызывают у многих негодование — пример тому оба Чуковских, Тата и многие другие. Но я это стихотворение люблю даже со стороны, как чужие хорошие стихи». На об. др. списка: «Мануйлов поместил это стихотворение в рубрику „Подлинный Казмичев“, в скобках пометив: „Рождение поэта“».

* * *

Ночь играет на скрипке
Под смычком соловьи
И летучие мыши твои
И приманчивые калитки.

Под деревьями слушай,
Опускайся к реке,
Прикасайся к руке,
Соловьями поющей.

*август 1924*¹⁵

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Ампирные колонны.
Пустынные фронтоны.

Тоскливые анналы,
Канальи и каналы.

И старичок с болонкой...
И жизнь идет сторонкой!..

август 1924

* * *

Бессолнечные мрачные сады

Ахматова

Пышно распахнут могучий Невский.
Светлеет Адмиралтейская игла.
Скачет лихач к баронессе Вревской
Смерть принести от Пушкинского чела,

Мчится гонец к заплаканному Жуковскому,
И в одичалый красный дворец,
И к многолюдному хору московскому
Крикнуть певцам, что умолк певец!

Но над российскими черными ямами
Все мы стоим на одном берегу.
И холодеет гордыми ямбами
Неукротимых оград чугун,

¹⁵ На об.: «Очень люблю это стихотворение. Пейзаж подразумеваемый — Персияновка (или Каменская)».

Но в Петропавловский воют пушки
О нападении черной воды,
Но окликают голосом Пушкина
Эти *бессолнечные сады!*

*ноябрь 1924*¹⁶

КУРИЛЬЩИК А. ВАН-БРОУВЕРА

Ты рот разинул, курильщик,
И гонишь в комнату дым.
Какой ты красный, курильщик,
С усами, без бороды.

Ты пальцами только причесан,
Лоснится желтый камзол:
Сидишь у меня, не чесан,
Сидишь низколоб и зол.

А я такой деликатный,
С ключами пяти культур,
Смотрю на лоб твой покатый,
На рук твоих красноту.

И нравится мне и брату,
Когда мы бываем втроем,
И кажется младшему брату,
Что мы по-голландски поем.

Становится сердцу жарко,
И весело, и смешно,
А ночь яванской дикаркой
Заглядывает в окно.

А ты — веселый товарищ,
Когда метель у окна!
Но только не прыгай, товарищ,
Из огненного полотна!

*осень 1924*¹⁷

¹⁶ На об.: «1924. Осень. Вскоре после приезда из Петербурга».

¹⁷ На об. запись: «Осень 1924. Ван-Броувер — фламандец по происхождению, молодость провел в Голландии, где учился у <Франца> Гальса. „Голландская песня“ поэтому здесь не по ошибке. „Курильщик“ — едва ли не лучшая вещь Броувера — висит в Лувре. У нас висела чудесная репродукция французской работы».

ПОСЕЩЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

1

Вот она, осанка драматургии! —
Полутемный лампион
И железный ветер в Петербурге
От малиновых колонн.

Под холодной аркой дух захватывало,
Лира плакала сама...
И Неву тяжелую накатывало
На стигийские дома.

Мы, нагнувшись, пригоршнями черпали
Милые и страшные следы,
Ничего не видя в черном зеркале
Этой хляби и беды.

У столпа живые не шаманили.
И молчали мертвецы.
И ладони узкие мы ранили
О перуны и торцы.

1924

2

Детскою горстью летят снежинки
И пропадают в черной воде.
В черных перилах поет Добужинский.
Камнем написано: быть беде!

Каждая карта пиковая двойка
Для омраченных метелью умов.
Темною Летой катится Мойка
Мимо больших генеральских домов.

Город великий, туманов заложник,
Блещет в тумане чугунным днем.
И одинокий пифийский треножник
Полон печальным и страшным огнем.

1924

* * *

Ты разбил меня наполовину.
Я наперекор Тебе
Твердую мелодию доигрываю,
Не внимая Азраиловой трубе.

Сам ведь Ты меня, как скрипку, поднял —
Помню я, Ты от волнения бледнел —
И настроил для огромной музыки,
От которой сладко холодел.

Как Ты можешь, дивных звуков зодчий,
Облекаться в парусину бед,
Ум беспамятством мохнатым заволакивать,
В чернокудрый прятать бред?

Для чего Ты любишь негритянский барабан,
Дудку дикую и волчий вой?
Кастаньетами кабацкими вызванивая,
Ты вселенную пускаешь по кривой.

Или Ты безумно ищешь полный звук —
Тот, что тронул Ты в младенчестве моем?
Или Ты тоскуешь об утерянной гармонии
И живешь виденьем звуков, как и мы живем?

1924

МОСКВА

Этот город такой чужой!
Он захлестнут ямщицкой вожжой.

Он бараньим тулупом одет
(Хоть и ласков церквушек бред).

Он завернут тугим калачом
И украшен хриплым грачом.

Мне как стук азиатской серьги
Разбитные его торги.

Как ты любишь его, сестра?
Не за розовые ль утра?

Не за детскую ль нежность церковей
И татарскую нитку бровей?

Нет, за греческий голос во мгле
В азиатской его петле,

За ошарпанный мел и лазурь
И за мрак театральных бурь!..

*февраль 1925*¹⁸

¹⁸ Сохранилось три списка этого стихотворения. В одном из них, под тем же заглавием, проставлено посвящение «Т. Казмичовой»; во втором стихотворение озаглавлено «Стихи о Москве».

Я смотрю альбомы Александра Бенуа.
Зеленые, желтые, красные обертки.
Загорается пышными розами канва,¹⁹
Горячих апельсинов падают корки.

О, Италия, Фландрия, и Рим,
И Аbruццо, и мокрый Лондон! —
Вот мы пламенем Рубенса горим
И с тобою летим, Джоконда.

Только душно в книгу смотреть! —
Ведь картина — и та заслонка! —
Не хочу я тут умереть
Ни дворнягою ни болонкой.

Подо мной сгорела земля.
Горький дар никогда не сгибаться
И с гонимыми лавр деля,
С тайной мукой улыбаться.²⁰

февраль 1925

МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ

<1>

Я читаю Ломоносова.
В каждом слоге громких од
Камни первые отесывал
Круглолицый доброхот.

Белый локон академика,
Космы северного мха,
Грубоватая полемика
Основателей стиха.

Сильная рука оратора
Вздыбливает дифирамб,
Над палящим пеплом кратера
Крутится полярный ямб.²¹

¹⁹ *Вариант:* Загорается розами пышная кайма

²⁰ *Вариант:* Иронически улыбаться!..

²¹ В другом списке далее:

Русский Марс гремит кимвалами,
Солнце хмурый рвет туман,
И сияет льдами алыми
Ледовитый океан.

Пальма зыблется кокосовая
Под арктическим пером...
В сочиненьях Ломоносова
Сумрак утра, ум и гром!

*6 сентября 1925*²²

2

В твоих книгах северное сияние,
И бушующий океан,
И улыбка умного знания,
И тугой немецкий кафтан.

Аккуратно букли закручены,
Круглоликая правда проста.
Кобылицы наук приручены,
И охотно поют уста.

И на ямбах ода кончается,
Как на пенистых волнах корвет,
И веселая улыбается
Краснощекая Елисавет!

7 сентября 1925

ЭРМИТАЖ

Полумертвый Петр Караваджа.
Как ужасны и жизнь и смерть!
Петербургские стены таят же
Такой мрачный и дикий смерч!

Нас загнало сюда ненастье,
Утомленных тяжелым днем,
В высоту, где пылает счастье
Золотым фламандским огнем.

Но у этого красного тела,
Запрокинутой бороды,
Площадная правда влетела
В холодеющие сады.

И пробив вакхический бубен,
Грубый мастер, мясник и шакал,
Муку смерти продвинул в будень,
Прямо пальцами показал.

Убегаем мы от огромной
И холодной жажды толпы —

²² На об.: «Хороши I и последняя строфа. Остальные — неудача».

Ты в свой угол черствый и темный,
Где встают виденья слепых,

В преисподнюю тьмы великой,
В красноватый горький туман, —
Я — к моим королям Ван-Дика
И к лазурной семье англичан!

1925²³

* * *

Мрачная колоннада Казанского собора,²⁴
На фронтоне золотые лучи.
Тени Плеханова у Казанского собора,
Александра Первого мечи.

Петербург гений торжественный
Эту колоннаду распахнул,
Тиранию сделал божественной,
Полукругом замкнул гул.

Гори, золотое око,
Тем светлее, чем гуще туман!
Вот и мы просияли около,
Победили темный ураган.

1925

* * *

Волчица римская железная, худая,
Закон двенадцати таблиц,
И колокольчик, дар Валдая,
И щеки алые веселых русских лиц.

Нет, я не путаю! Волчица долго выла,
Кружились с клеткотом орлы,
Потом метель над степью голосила,
И тройка вынеслась из мглы.

²³ Есть другой список стихотворения, в котором оно озаглавлено «Караваджо» и имеет с публикуемым текстом разночтения в строфе 5:

Убегаем мы от огромной
И холодной силы его
Ты в свой угол, горький и темный,
Где во мраке горит торжество.

На об. другого списка: «Pro domo sua: теперь я назвал бы кого-нибудь другого, вместо Ван-Дейка, — Тициана, Мурильо, Ле-Пена — мало ли кого? Дольчи (sic!), и самого Рембрандта, К. Прокваччини, Веронеза, Рубенса, маленьких голландцев. Но лазурных англичан, конечно, назвал бы тоже».

²⁴ *Вариант*: Колоннада Казанского собора.

Луна летела в окрыленных тучах,
Ямщик сквозь ветер громко пел,
У ездока в губах певучих
Четырехстопный ямб горел.

Я что-то путаю... Империя, Россия,
Орлиный профиль хищных лиц,
И в вольном логове беспомощный Мессия,
Потом Ваграм и Австерлиц...

Глоток сухого старого Фалерна,
Сухого времени глоток,
В снегу железные таблицы Коминтерна,
Полет на Запад и Восток!

Нет, я не путаю, и я не забываю!
Волчица грозная по снегу лапой бьет...
Я томы Пушкина сегодня раскрываю,
И только лебедь мне поет!..

26 апреля 1926²⁵

* * *

Я хотел бы ходить в Эрмитаж с тобой,
Чтобы Генсборо пел голубой
И кружился тяжелый и страшный Рембрандт
Беспощадной и темной судьбой.

Петербург уже точит и моет торцы,
Уже солнце летит на собор,
Уже пестрый туман распахнули дворцы
И решетки летят, как гонцы.

Для чего же мы медлим? Но болен и слаб
Я валяюсь у жизни меж лап,
И напрасно певцов у гранита Невы
Окликает курчавый арап,

И напрасно летит темнотою Рембрандт
И фламандские прыгают львы.
Я лежу. У меня под подушкой талант
И в холодной руке адамант!..

февраль 1926²⁶

²⁵ На об. дата и помета: «Явное влияние», — вероятно, имеется в виду О. Мандельштам.

²⁶ На об. второго списка: «Февраль 1926. Болен и слаб, в самом точном смысле этих слов. Это было тогда, когда я лежал около пяти месяцев в постели. Когда я пробовал встать на ноги или даже принять минут на десять сидячее положение — сознание покидало меня и я падал без чувств. Зато лежа я чувствовал себя здоровым и бодрым. Во всяком случае странное несоответствие между физической немощью и стремительным ритмом стихов. И не только это стихотворение, но и весь цикл, к которому оно примыкает, отличается повышенным жизненным топус'ом («Александр», «Адмиралтейство», «Гоголь», «Волчица» [т. е. «Волчица римская железная, худая...»]. — Т. Д.]»).

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Адмиралтейство!
Большой корабль!
И ты летело
В лихой декабрь!

Сияя солнцем
Огромных дней,
Ты Александра
Стоишь стройней.

Ты не потухло,
Когда он пал,
С Альпийских радуг
В полярный пар, —

Упал в туманы,
Векам послав
Литые лавры
Летающих слав, —

И не затмили
Пальбой лучи
Республиканцы
И палачи.

Адмиралтейство,
В веках лети!
К летящим славам
Мои пути.

Адмиралтейство!
Лучом гори!
Твое витийство
Нежней зари.

4 марта 1926

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ

Воитель слабый и лукавый...

А. Пушкин

Александр, Елисавета,
Восхищаете вы нас!

Г. Державин

Но Гельветической республики полет
Оборван был полярной лихорадкой,
И он стоит — в губах огонь и лед —
Презренно и вкрадчивой загадкой.

Прекрасный друг! высокая лиса!
Тебя дворянские травили своры,
Тобой германские пленялись небеса,
Клеймили смехом умные бретеры.

Авророй розовой Империя была.
Мечтал Жуковский и бесился Пушкин,
И в небе утреннем огромный крик орла,
И кивера, и радуга, и пушки.

Не стану грязью в мертвого бросать!
Один он мантию носил, как император.
Легко стихи гражданские писать
И книжным криком славословить кратер.

Один он был возвышенный актер
И в двоедушном облике мечтатель,
А век его как яркий метеор —
Поэт, танцор, мудрец и поджигатель!

апрель 1926

ГОГОЛЬ

По темной земле пробегай
И кутайся в плащ-разлетайку
И бегом неистовым настигай
Летящую в ночь таратайку.

Смотри, обернулся высокий ездок, —
Ты усики тонкие различаешь? —
Как ты, он в дорожный летит холодок?
Ты сердце свое очищаешь?

Как сладко в холодной скакать темноте!
Глаза его сладко смеются...
И странные лица в ночной пустоте
Густеют и остаются.

Ах, ветер, лети!.. Я опять одиноко...
Не степью ли сердце мне трогали?
И в теле знакомый летит ветерок,
Как в сонном, закутанном Гоголе!..

апрель 1926²⁷

²⁷ На об.: «Апрель 1926. Стихотв<орение> мало кому понятное. Объяснение ему см. в книге Овсяннико-Куликовского о значении дороги в творчестве Гоголя (и в Мертвых Душах)».

В летящие метельные круги,
 В пустынный вихрь, в горенье урагана
 Уводит страсть... И вот они, враги,
 Хрипящие в одной петле аркана.

Прекрасных рук прекрасными руками
 Касаются, беспамятство деля,
 Качается, как палуба, земля,
 И комнаты клубятся облаками.

Но до конца, деля огонь в очах,
 Они глубоких дум не поделили.
 Как в облаках, по комнатам ходили,
 Но в грозových и страшных облаках.

Любовь! ты слишком разное берешь!
 И слишком чуждое соединяешь!
 Ты таинством людей не изменяешь,
 А только вместе к радугам ведешь.

И в мутный вихрь и в снежные круги
 Бросает страсть, а мы всю жизнь мечтаем
 О том, что близких в облаках узнаем
 И с розовой не упадем дуги!..

май 1926

ГОЦЦИ

В темном халате, с зарею на бледных щеках,
 В комнатах темных скитаться с тяжелым шандалом.
 Бешенство сказок нести на печальных руках,
 Нежить огромное в детском и малом.

Дикое горе романтики пало в окно
 Каменным грифом, совой и виденьем полночным.
 Желтой арабской хламидой оно взметено
 В городе старческом, пестром, сыром и порочном.

В темном халате блуждать, и шандал тяжело
 Тянет холодную и благородную руку.
 Лучше не буду смотреть в расписное стекло,
 Бегать по радугам, верить небесному звуку!

Гоцци!.. Ты кутался в бурю, но ты подарил
 Хохот Италии, три золотых апельсина...
 Ветром задуло огонь, и подсвечник остыл.
 Свищут обои, и слабо звенит мандолина...

июнь 1926

* * *

Змеею вьется бешенство мое.
Его никто еще не замечает.
Ночное небо надо мной поет,
На нежный зов Горгона отвечает.

Пусть голова обрита у меня,
Смотри, моей Медузы вьются змеи!
Как мог я знать, что будем мы родня,
Что жалить я и ускользать сумею.

Гори, гори, не первая заря!
Еще последней заниматься рано...
Ни факела со мной, ни фонаря,
А на губах дыханье урагана.

Нет, я романтиком себя не назову!
Я не бродяга, не беглец, не цыган.
Болею я и в комнате живу,
Коров гоняю на Парнасский выгон.

А сердце-фурию я под плащом ношу,
Не победив врагов, друзей прощаю,
Под клики памяти я счастья не прошу
И удержать его не обещаю.

июнь 1926

* * *

Ты любишь полдень? Полдень наступил,
Потом нагнулся к позднему обеду,
Перевалило время на беседу
Отстоя знойного и повечерних крыл.

Какая алая малина на столе!
В деревьях огненных прекрасное варенье,
Беззвучной музыки сиянье и горенье
И смертной радости бессмертье на челе.

Ты любишь время от пяти часов?
Варенья сладкого себе достали клены,
И милый день, как птица окрыленный,
Уже волнует складки парусов.

июнь 1926

* * *

Кто в Петербурге был, тот видел чудеса!
Из камня дивные летели голоса.

В станции Каменской родное бормотанье, —
Акаций, воздуха и мела воркованье.

А в алчном городе, в котором я живу,
Не разговаривают камни наяву.

30 сентября 1926

* * *

Двадцатые годы! Остались у нас
Смирдинские книжки в руках:
Кто мог бы в сублильных узнать завитках
Похабных и ухарских вас?

осень 1926

* * *

Под окно упал и запел соловей.
Мокрый кустарник в комнату стучится.
Вот оно счастье! Захлебывайся и пей!
И сердце удивляется, пьет и боится.

Малиновое облако рдеет огнем,
Серое облако тешится громами,
Розовое утро зовет соловьем,
Ночь отвечает соловьями.

Лето и счастье — из одной семьи!
В мир мы пришли для громов и малины,
Для одинокой садовой скамьи.
Летом у всех людей именины.

Лето, опоясано молниями, бежит:
В жаркой ладони — персик и радуга.
Лето под белым окном стоит,
Тьмою и светом радуя!

<осень—зима> 1927²⁸

* * *

А с розовыми крыльями голуби бывают?
Бывают,

Всякие голуби бывают!
Будто зори голуби взмывают,
Крыльями друг друга задевают.

А на дворе лютая зима.
Несколько месяцев от Вас нет письма.

осень 1927

²⁸ Стихотворение существует в нескольких вариантах. В одном из них — вычеркнута вторая строфа. На об. одного из вариантов: «Очень хороша третья строфа! (Вообще стихотворение одно из главных)».

* * *

Круглое окно и заросли сирени.
Вот так выдумывал Борисов-Мусатов.
Только не тоскуют бледные тени,
Только очень весело от летних закатов.

Вы помните, у Мусатова была картина,
Называется «Когда снова зацветет сирень»? —
У него обыкновенно круглая куртина,
Лиловое рыданье, не день, а тень.

А этот день яркий, а этот день веселый,
В прошлое и будущее он распахнул две зари,
У него румяные девушки, иволги и пчелы,
А заря зарю окликает: потухаю! гори!

1927

* * *

Крутая радуга и ледовитый снег.
По белым облакам неукротимый бег.

Два года пепельных рассыпалось. Я болен.
Я бью в набат с бесколокольных колоколен.

И нежно радуга восходит на дома.
И странно: радуга и лютая зима.

1927. Ростов

СИМВОЛИЗМ

А что такое Бальмонт? Ничего!
Воздушных слов ночное волшебство

И не удавшееся прыганье шамана, —
Нет вещности и даже нет тумана.

А что такое Сологуб?
Едва заметные движенья губ, —

И бледные безвольные виденья —
В них все: безмолвие, и музыка, и пенье!

Он к росам утренним и к омуту зовет,
Он дохлых ящериц и жемчугу дает.

И вот является кликуша очумелый
С волшебной лютнею и с балалайкой — Белый,

И маг торжественный выходит — Вячеслав
С полуулыбкою, с пучком могильных трав,

И вот бледнеет все... И только голос Блока
Из вьюг, и арф, и памяти, и рока!..

1927

* * *

*Юрию Казмичову*²⁹

Шекспировы герои
Надменны и тупы.
У них дугою брови
И каменные лбы.

У Данта черный ужас,
У Гете белый сплин, —
Немецко-римский ужин
Из греческих маслин.

Я Чехова, наверно,
Прочту перед концом:
Печально и просторно
И пахнет чебрецом.

начало 1928

* * *

А разве я не люблю природу?
А разве я не люблю воду?

А разве я не люблю водоемы,
Полные черно-зеленой дремы?

Летний воздух — как торжественное собрание.
Вместо слов — гремящее молчание.

Синий зинчик на пальце моем.
Ветка зеленая смотрит в водоем.

Масса дня осталось и масса неизвестного —
Водного! садового! комнатного! небесного!

А потом ночной остывший балкон,
И печальный воздух со всех сторон.

весна 1928

* * *

Плетни бывают гнутые, шоколадно-лиловые,
Облака над ними розовый или свинцовые,

²⁹ Посвящение проставлено на одном из списков.

И выбеленные яблони с закрученными листиками
Стоят румяными деревенскими мистиками.

Очень люблю я выгнутые плетни,
Очень люблю я жаркие дни,

Когда пылят дороги, наливаются груши,
И воздухом и голосом становятся души!

июль 1928

* * *

Смотри, какой прорыв
В суровых облаках,
Какой глухой огонь
На черных их щеках:

Как будто сквозь ладонь
Теплеющий огонь,
Сияющий огонь...
Но одежды не имам, да вниду в онь.

*август 1928*³⁰

* * *

И сор и людей подмели.
Базарные улицы гладки.
Дома никуда не ушли
И молча стоят, как загадки.

И так постоять на углу,
Над крышами небо зажжется,
В вечернюю синюю мглу
Корабль одинокий несется.

*осень 1928*³¹

1855

Среди березовых лесов,
Среди запущенных садов
Бревенчатая дача,
И самовар горячий,
И ягоды, и калачи,
И солнца мягкие лучи.

³⁰ На об. помета: «[Ночью, на Фонтанке, (после спектакля японского театра Кабуки).]»

³¹ На об.: «Очень нравится (О детстве). Лермонтов был первым моим поэтом. Потом годам к 8—10 прибавились Тютчев, Фет, Майков, Кольцов (стихи о природе). (Еще Полонский). (Некрасов)».

За кружевом балясин
Тургенев и Колбасин,
И пасмурный Некрасов,
И смуглая Панаева,
Красивая жена его.

Спокойные просторы,
Живые разговоры
О настроениях дворянства,
О положении крестьянства,
О Герцене, о родине,
О вкрадчивом Погодине.
О, этот хлебный запах
Годов пятидесятих!
В нем зреет бодрый говор
И злость шестидесятих.

Шумит высокий самовар,
Летит к березам легкий пар,
И солнце гаснет на ветвях...
В некрасовских стихах
Уже полей и толп размах,
Уже дыхание стихии,
И у Тургенева звучна
На страдиварии крестьянская струна,
А там, во глубине России,
Что там? Бог знает! Тишина.

*осень 1928*³²

* * *

Оранжевые мандарины
Безумно надувают щеки,
Вот мандарина половины
Лежат, как Пушкин и Нащокин!

Ты любишь детские приманки, —
Мой мотылек, моя орлица! —
От этой рыжей итальянки
Твой взор весельем озарится,

Порхнут улыбки мотыльками...
Твое томленье — коршун дикий...
Ты золотыми пустяками
Утешься, ангел светлоликий!..

1928

³² Последние две строчки отчеркнуты, на полях: «!». Кроме этого машинописного варианта есть автограф под загл. «Накануне» и автограф под загл. «1855».

В глубокой заросли, в саду,
Закрывать лицо руками.
Скользнула книга на траву,
И жизнь пошла кругами.
В глубокой заросли, в саду,
Закрывать лицо руками.

Со всех сторон молчанье
И диких птиц порханье.

1929³³

ФРА-БЕАТО

У фрески пасмурной и стройной
Умолкли буря и вопрос.
Прямые складки, взгляд спокойный
И блеклый цвет увядших роз.

Все в мире нежно и прекрасно.
Не умиление светлых слез,
А благодатный сон и ясный
И отсвет ирисов и роз.

1929³⁴

В три обхвата чинары,
Поворот на базар.
Солнцелюбы базары!
Пекла самый разгар!

Ярче иволги дыни,
Попугайны лотки, —
В сердце привкус гордыни
И волшебной тоски.

Там за мной гул пожара,
Рухнул дом на песке.
Ты слыхала, чинара,
О дубовом листке?

<1920-е>

³³ На об. машинописи: «Одно из самых удачных».

³⁴ На об.: «„Мадонна со св. Домиником и св.?“ (Эрмитаж)».

* * *

Какая темная спустилась тишина!
Дома освещены, а муть вверху черна.

И фонари горят по стынувшим ампирам
На улице пустой, над этим страшным миром.

Какая темная спустилась тишина!
О чем ты думаешь?.. Ты стала у окна...

Ты в городе другом, в другом глухом пространстве.
И ночи темные в безумном постоянстве

Летят к тебе, в гудящей тишине,
И видят: ты стоишь, вся белая, в окне.

Но почему лицо твое другое,
Такое грустное и милое такое, —

Как будто изнутри озарено
Самозабвением и памятью оно?..

<1920-e>

* * *

Серая пыль по займищу бежит,
Серая пыль ничем не дорожит,
Серая пыль глаза запорошит,
Легкая взвилась и рассыпаться спешит.

Стены уже выжжены. Спас, Покров.
Время начинается вихрей и ветров,
Нежных садов и звонких возов,
Сильных полдней и ранних вечеров.

Воздух горяч, и видно далеко,
Видно далеко и небо высоко.
Пекло, арбузы, дышать легко.
Ты, воспоминание, как маятник Фуко.

<1920-e>

* * *

... Повеяло
По сердцу моему
Сухим и легким воздухом,
И я в степном Крыму.

О, эти полдни пламенные
Над лучшей из пшениц!

Заботы светлокаменные
И прелесть черепиц, —

Их пепельная розовость,
И солнце — пешеход,
И синяя стрекозовость
Бегущих вдаль широт!

И красота венчальная,
Когда слабеет зной.
И тишина привольная
На станции степной.

Где сослуживцы памяти
И счастья векселя,
Стоят пирамидальные
Большие тополя.

<начало 1930-х>

* * *

Максимилиану Волошину

И мне явился лик твой львиный
Над пенною каймой.
Отмечены твои седины
Серебряной тесьмой.

Вокруг дыхание полыни
И первозданный дол.
С тобой витийствуют в пустыне
И Клио и Эол.

И ты меня улыбкой встретил,
Отшельник знойных гор,
Остановился, тих и светел,
На мне твой яркий взор.

Не так ли ты, Франциск, пернатых
У кельи собирал
И на гостей своих крылатых
Не пристально взирал?

Мой день суров, а хлеб мой солон,
Я сумрачен и сух,
Но дикой музыкою полон
И мой лазурный Дух.

И я, как ты, люблю пучины
И замиранье звезд,
Как эти тихие маслины,
Я радостен и прост.

В волненьи бьется это сердце,
Прими немой привет.
Узнай во мне единоверца,
Возвышенный поэт!³⁵

27 июня 1930
Коктебель

* * *

Горят огни, чернеют тополя.
На дальней даче все уснуло.
Со мною звезды, ветер и земля,
И в душу нежностью дохнуло.

И вся любовь, которая и жгла
И годы долгие томила,
В пустынном сумраке твой облик приняла
И о тебе заговорила...

30 июня 1930
Коктебель

* * *

И тополя, и тихие долины,
И ветер с гор...
А правда ли, что жизнь поток единый
От детских игр до этих пор?

Лети, лети, полночное дыхание,
И льни к сухой земле!
В моей душе блаженство и страданье,
Как уголек в золе.

30 июня 1930
Коктебель

* * *

Мосты висят над лдяною рекой.
Молчит гранит, и розовый, и синий,
И солнце машет огненной рукой,
Зовет на пир туманностей и линий.

Мороз, мороз!.. Все пусто вдоль Невы,
Вдоль жемчуга, алмазов и гранита.
И здания, — оранжевые львы, —
Горят вокруг, и прошлое забыто.

декабрь 1930

³⁵ Стихотворение существует в нескольких вариантах. Публикуется по машинописи, датируется по автографу.

Ты помнишь, ты тогда стоял
И вдруг почувствовал поэтом
Себя, и слезы ты сдержал
Восторга перед белым светом.

Ты звуки чудные твердил,
И звуки щебетом и свистом³⁶
Твой завораживали пыл
И счастья в воздухе лучистом.

Слова, — но разве дело — в них,
В тех первых криках восхищенья!
Тому, что ты тогда постиг,
Всю жизнь искал ты воплощенья!..

1930

* * *

Я рос в пустых солончаках
На тихих площадях.
Там подметенные дворы,
Багровые волны.

Вставало солнце надо мной,
Горел восторгом зной,
Арбузы пригибали стол,
Проламывали пол!..

О, золотистые базы,
Квадратные возы!
За переплетами арбы
Верблюжие горбы!

О, теплой ночи огоньки!
Чайковского смычки!
О, пианисты и певцы
И черные скворцы!

Я рос в пустых солончаках,
В медлительных годах,
Стояло солнце надо мной, —
Оно всегда со мной!..

1930³⁷

³⁶ На об.: «Щебетом и свистом, конечно, цитата:
... рвутся в тьму мелодий
Щебечут, свищут...
(Б. Пастернак).
В Ленинграде о Каменской».

³⁷ Стихотворение существует в двух редакциях, ранняя под загл. «1904».

* * *

Ирида милая упала
На упоенные сады.
Станица вдоволь нахлебалась
Журчащей дождевой воды.

Мальчишки пляшут в упоенье
Под утихающим дождем.
Ирида, пьяная от счастья,
На тучу стала босиком!

1930

* * *

Боярышник, орешник, глушь, терновник,
Из тайника взлетевший соловей,
И бузина... И воздух, как садовник,
Стоит среди опущенных ветвей.

Когда сирень цветет, все счастьем пахнет.
О, темные, зеленые сердца!
Потом июль пылает, гложет, чахнет,
Горит и не сгорает до конца!..

16 апреля 1931

* * *

Маслины сладкое дыханье
И миловидность и молочность.
За дверью в комнатах молчанье,
Балясин грубая неточность, —

И полдень страшен, как Сахара.
Огни на улицах висят.
Но хлынет ночь с Мадагаскара,
И вот коровы замычат.

Смотри: они идут, идут
И сумрак на рогах несут!..

1932

* * *

М. А. Волошину

...Никак не найду
Стихов достаточно щедрых и счастливых,
И розоносных, и престелстных миру

(Чтоб каждый был как маленькое солнце),
Чтоб день прославить, праздничностью трудный,
Поэта, несравнимого с другими,
Чей милый дом в сухом и светлом месте.
Там трауры Эвксинских далей
Неслыханной ритмической негой
Грозят нетерпеливым кораблям.
И рядом с пенным шумом черноморским
Другое там сиятельное море, —
При шуме волн его, счастливых, розоносных,
Как птица, резко вскрикивает сердце:
— Не все, не все еще разрешено и просто:
Поэзия таинственно-свята!..

20 июня 1932³⁸

НА СМЕРТЬ М. А. ВОЛОШИНА

Теперь твой дух в траве и в море
И в умиранье звезд.
Твой вечный мир в пустом просторе
И величав, и прост.

Ты ярко жил и свято умер.
И скорбен и высок,
Стоял ты в яростном самуме,
Приветливый пророк.

Вокруг тебя рекою млечной
Полынь, полынь, полынь...
Придет к тебе любовью вечной
Безмолвие пустынь!..

<1932>

* * *

М. А. Волошину

У Макса Волошина
Мы все собирались непрошены,
Но многие в добрый час.
И мы и хозяин
У солнца и трав приобшались таин.
И он нас от гулких морских окраин
В раздумье вел и в экстаз.

У каждого были
Сиянья своих воскреслий,

³⁸ Это стихотворение предоставлено для публикации Р. П. Хрулевой.

А он одинок и для всех открыт
Стоял благосклонный под веткой айланга
В предсмертном цветенье таланта
И в скорби огромных орбит.

Не купленный славой,
И кроткий и величавый,
Провидя сквозь мороки рок
В безмерное горе
Из пены блаженного моря
Смотрел он, поэт и пророк.

И в белой столовой
За скатертью сине-суровой,
Хлеб скудный, гость новый,
С улыбкой грусти и мысли терновой,
Хозяин сереброголовый,
Приветливый и яснысловый,
И всюду дыханье трав,
И радуга красок.
И лик, возникший из масок,
Вода родника из отрав.

<1932>

* * *

В Разбойничьей бухте, наверное, зной,
Стекло наплывает округлой волной.

Горят халцедоны, горят и шумят,
И скалы, как дикие предки, стоят.

Им солнце лиловую ржавчину жжет,
Под ними колючее что-то растет.

Упасть бы лицом на горячий песок!
Смочить бы водою горячий висок!

Сандалии бросить в песке и с тобой
Искать сердолики — в воде, под водой.

Июнь 1933

* * *

Афины мрамором богаты,
Коринф весь белый от колонн.
Как хризопразы и агаты,
Над ним вечерний небосклон.

А что осталось? Вздох Гомера,
Да Ксенофонт, да Фукидид,

Греха безумная химера
И вопль голодных Эвменид.

И золотые базилики
В дыму рассветных облаков.
Эллинистические лики
У галилейских рыбаков.

1933

* * *

В столетних листьях вдруг заговорило,
Преобразилась тишина.
Какая мысль? Какая страсть? Какая сила?
Она невыразима и ясна.

Младенчески проплыл и канул мимо
Шум... Грубый вензель на стволе...
Невыразимо... Все невыразимо,
Что стоит выраженья на земле!..

1933

* * *

Забираются звезды в листву, лучи
По изломам одежды скользят...
Если есть там калитка, в калитку стучи, —
Если можешь вернуться назад...

Если можешь вселенную вспомнить опять,
И восторг, что над нею разлит...
Из чего она? Можешь ты воздух соткать
Тех ночей и тревог и молитв?

осень 1935

* * *

Я пью за понтийские волны, за непомерный базальт,
За радостный запах полыни, за сладкие оклики сов,
Я пью за пустынно-бегущий и пенящийся кобальт,
За лунных лучей оболъщенье и правду палящих часов!

Друзья! наполняйте же рюмки веселым армянским вином, —
В бутылки упрятым солнцем и говором розовых лет, —
И чокнемся звонко и громко, под этим туманом и льдом,
За родину нашего духа — за счастье и зной и свет!

1935³⁹

³⁹ С пометой: «Читано на Новый год».

Эолова арфа! Стоишь ли? Звенишь?
Поешь ли? В пространстве ином
В волненье молчишь и в глаза мне глядишь
Прохладой и тайным огнем.

В пространстве ином улыгнулись цветы
Лиловым и белым вином,
И время приходит обратно... И ты
К себе возвращаешься в нем.

Наклонной поверхностью взвился газон,
И воздух, как арфа, над ним,
И воздух молчаньем цветов напоен
Над сгустком небесно-земным!

1935

ОДА К АБИССИНИИ

Абиссиния! Абиссиния!
Солнце, ливни, в дорогах пыль!
И слова — как хвосты павлиньи:
Уал-уал, Харрар, Дамакиль...
Носороги, жирафы и скиния
Христианская. И язык
Эфиопский... И сердце львинее,
Чем у львов, у твоих владык!

На твои беззащитные хижины
Упадает железный град.
Самолеты зловещие снижены,
Над твоими полями летят.
Черномазые дети разбужены
Трескотней итальянских цикад.
К смуглым девушкам ходит суженый —
С неба сброшенный смерти гад.

Абиссиния! Абиссиния!
Ты недаром жираф и лев!
Как громовое облако синее
Подымается горе и гнев.
Леопардовых воинов линия
Вьется, мужеством осмелев,
И сшибаются пальма и пиния,
Ядовитые руки воздев!

Лига Наций лепечет жалобы
Европейцы толпой стоят.
Заступиться им не мешало бы,

Да у них разброд и разлад!
У агрессора вырезать жало бы,
Но агрессор им кум и брат!
Англичане с высокой палубы
Равнодушно травят канат.

Что тебе эта льстивая сессия
Европейских говорунов!
Что тебе это слово «агрессия»
И другие слова лгунов!
Итальянское честобесие
Над тобой взлетело орлом
И дохнуло в твое пальмолесие
И удушим и огнем!..

Вырастает львиное мужество
У того, кто в сраженье прав.
Многолюдных народов содружество
Закипает кипением лав.
Босоногих полчищ убожество
Встанет в панцире гор и дерев
И погонит грозное мужество
Молодой абиссинский лев.

1935

* * *

Они молчат, затоптаны, замучены.
Их нет уже, — кто помнит имена?
И солнце жжет ленивые излучины
Степных дорог, и в небе тишина.

Они молчат, свободные и страстные.
Они убиты, и не зреет месть!
И верещат вокруг одни безгласные,
Которым удалось на прутик сесть.

июль 1951

* * *

В пустынном Коктебеле благодать
Пахучих трав и пения крылатых.
И можно душу, кажется, отдать
За вздох один в лучах и ароматах.

За матовое это серебро
И эти одинокие тропинки,
За старый дом, и ржавое перо,
И стойкость на последнем поединке.

1951

* * *

В сторону Топрак-Кайя,
Где нагорья и увалы,
И скользнувшая змея,
И отплытый сон тая,
Синеоких бухт овалы, —
В сторону Топрак-Кайя.

3 октября 1959

* * *

Посох! Куда поведешь ты? Дороги
Все хороши и на каждой роса,
Жаркие полдни и пыльные ночи,
Овцы, гостиницы и голоса.

В светлом арыке я вымою ноги,
Сядем, подумаем, поговорим.
Посох! Куда поведешь ты? Дороги
Лгут! Ни одна не приводит в Рим!

<1950-e>

* * *

Тень моя идет на Карадаг.
Тень моя — а за нею какие тени?
Ветер в раскрытую грудь и стихи на устах.
Громкая ль это хвала или тихие пени?

И только полынь, только полынь, —
Вот что осталось и вот что будет!
Только ветка маслины, венок пустынь
Тень моя к светам восходит и плачет и судит.

<1950-e>